

Вариативность как один из факторов расшатывания языковой системы в процессе языкового сдвига (на материале селькупского языка)

Характер современной фазы языкового сдвига у северных селькупов: социолингвистические и психолингвистические факторы

В последние десятилетия тема, касающаяся языковых изменений в условиях так называемого языкового сдвига, привлекает к себе все большее внимание лингвистов, занимающихся миноритарными языками, вызывает вопросы и провоцирует споры. В учебнике «Социолингвистика и социология языка» дается следующее определение этого понятия: «Языковой сдвиг... означает, что общность отказалась от использования старого языка и перешла на новый. Этот переход на новый язык обычно (но не всегда) предполагает более или менее длительный период двуязычия» [Вахтин, Головкин 2004: 111]. При такой трактовке понятия *языковой сдвиг* его начальная стадия (правда, не всегда можно определить, что считать точкой отсчета) предполагает, что появляется, постепенно усиливаясь, интерференция на фонетическом и грамматическом уровнях, растет количество заимствованных слов в речи языкового меньшинства. Рано или поздно возникает стадия билингвизма (далеко не всегда билатерального и всеобщего), постепенно сходящего на нет. (Впрочем, существует точка зрения, что билингвизм возможен и без интерференции, с чем мне никогда не приходилось встречаться). Исчезновение билингвизма (если он был), отказ носителей языка от старого языка и переход их на новый (доминирующий) язык завершает процесс языкового сдвига, скорость прекращения которого связана с рядом факторов. Среди них Н.Б. Вахтин и Е.В. Головкин называют *восемь* (чис-

¹ Ариадна Ивановна Кузнецова, Московский государственный университет. aikuznec@yandex.ru.

ло носителей, языковое окружение, тип хозяйственной деятельности, воспроизводство языка, межнациональные браки, политика государства, престиж языка и наличие или отсутствие письменности [Вахтин, Головкин 2004: 114-117]), которые, однако, следует считать не причинами сдвига, а создающими его условиями. Причины же лежат в области социально-психологической [Вахтин 2001: 229-230], о чем речь впереди.

После проведения конференции «Языковые изменения в условиях языкового сдвига» ее организаторы предложили интерпретировать понятие *сдвига* как *процесс*, как явление социолингвистики в отличие от понятия *изменение языка*, которое они относят к «внутренней лингвистике» и которое может изучаться, по их мнению, ‘без каких-либо отсылок к носителям языка’ (см. Введение к настоящему сборнику. – *Ред.*). Во избежание недопонимания то, что относимо к «внутренней лингвистике», есть изменения в структуре языка, происходящие в силу и внутренних, и внешних причин, а то, к чему приводит процесс языкового сдвига, зависящий только от внешних причин, свидетельствует о смене языка, замене его новым. При этом необходимо учитывать, что первоначальные изменения происходят *в речи*, не затрагивая структуры языка, и лишь потом, спустя нередко длительное время, можно фиксировать изменения *в языке*. Важно подчеркнуть, что в селькупском языке (в его северном варианте), в настоящее время *и «языковой сдвиг», и «изменения языка»* при наличии только молатерального билингвизма *сосуществуют, и их можно наблюдать одновременно*, рассматривая под разными углами зрения.

1) В разных районах распространения селькупского языка процесс может быть различен: в одном селе (районе) языковой сдвиг близок к завершению (иначе говоря, осуществляется массовый переход населения на другой язык), в другом месте – далек от этой стадии. Так, в лесу, где еще живут немногочисленные селькупские семьи, отказывающиеся переезжать в поселки, процесс перехода на русский язык замедлен (как в поселках Ратта, Толька Пуровская), и это приводит к вялому двуязычию. В этой связи в последнее время нередко говорят о гибридных культурах у ханты, манси, ненцев, имея в виду кардинальные различия

и поселковом и лесном / тундровом образе жизни, в отношении жителей к обрядам и языку. Уровень знания родного языка у жителей поселка и у тех, кто живет в лесу, также различен, о чем писали Е.В. Лярская [Лярская 2001], Х. Саволайнен [Savolainen 1998], А.И.Кузнецова [Кузнецова 2004б]. Естественно, что в такой ситуации для этноса в целом о языковом сдвиге речь не идет. В результате для северных селькупов в целом мы не можем говорить о повсеместно происшедшем здесь языковом сдвиге, хотя локально такая ситуация может быть отмечена в небольших поселках (например, в Горошихе, где в прошлом было селькупское население, остались всего две селькупки, не говорящие поселкупски). Аналогичная ситуация существует с кетским языком в Фарково, где при наличии нескольких кетов кетский язык также не используется. Однако нет правил без исключения: в отдельных селах встречаются люди, которые, находясь в иноязычной среде, общаются между собой на своем родном языке (напр., в Бакланихе с преобладающим кетским и русским населением селькупы говорят поселкупски; в Фарково с основным селькупским и русским населением эвенки разговаривают между собой на эвенкийском).

2) В пределах одного и того же села (района) сдвиг имеет **«возрастной» рубеж**: у молодых сдвиг произошел (многие селькупы в возрасте приблизительно до 30 лет отказались от родного языка, полностью перешли на русский). В этой связи следует поставить вопрос о языковом сдвиге в контактной зоне у отдельно взятого человека, не являющегося билингвом, полностью отказавшегося от одного из языков в пользу другого. Утрата языка, отказ от него первоначально начинается на индивидуальном уровне. В таком случае можно говорить об индивидуальном языковом сдвиге. (Ср. точку зрения М.З. Муслимова на ситуацию у води). Данный вопрос влечет за собой и еще один вопрос: *где проходит граница между процессом языкового сдвига у отдельного билингва и целого этноса? В какой момент можно считать, что языковой сдвиг завершен?* Не случайно о «смерти» языка говорят в связи со смертью его последнего носителя, способного еще что-то сказать на родном языке, хотя теоретически возможно представить реанимацию языка, и да-

леко не всегда с уверенностью можно сказать, что умер действительно последний носитель языка.

У представителей среднего и особенно старшего поколения селькупов отказа от родного языка или не произошло совсем (впрочем, в очень редких случаях), или возникло монологическое двуязычие. Именно на примере этих двух поколений максимально заметны изменения в языке и вариативность форм, подготавливающие языковой сдвиг, поскольку наибольшая согласованность, уверенность, общепринятость наблюдается не в родном языке, а в русском, грамматику которого упорно «внедряли» в головы школьников.

3) Темпы сдвига различны у жителей разных поселков и у селькупов разного возраста. Языковой сдвиг замедлен у живущих в лесу селькупов; в с. Толька, Пур он протекает медленнее по сравнению с с. Фарково и Красноселькупом. Точно так же этот процесс проходит неодинаково среди селькупов разных возрастных когорт, хотя иногда и среди молодых встречаются люди, действительно говорящие на родном языке.

Помимо только что названных, остаются в силе факторы, перечисленные Б.Н. Вахтиным и Е.В. Головки и ряд других. Ко всему сказанному о языковом сдвиге как явлении социолингвистическом следует добавить еще *факторы психолингвистические*.

В период наличия в том или ином районе процесса языкового сдвига для состояния языка характерна ситуация, описанная французским функционалистом Мортеза Мамудяном в его книге 1982 г. «Лингвистика» [Мамудян 1985: 156-157]. Эта ситуация демонстрирует *психологическое* и одновременно социальное *состояние носителей языка*, испытывающих уверенность / неуверенность, согласованность / несогласованность в употреблении тех или иных языковых форм, что ведет к общепринятости / необщепринятости (исключительности) этих форм носителями языка. В результате одни языковые явления в процессе общения не вызывают никаких колебаний у носителей языка, а другие порождают различные варианты. Возникающая вариативность расширяет языковую систему, ведет постепенно к ее изменению, усиливает

стремление колеблющегося обрести уверенность в использовании более надежной с точки зрения носителя языка формы (в том числе заимствованной из другого языка при наличии контакта с ним), что постепенно может привести к завершению языкового сдвига, к переходу на доминирующий язык.

Очевидно, что те немногочисленные носители языка, которые живут в лесу, следуют всем древним обычаям, блюдут прежний образ жизни и род хозяйственной деятельности, сохраняют и родной язык. Однако у ряда жителей леса и у многих селькупов, живущих в Красноселькупе или Фарково, отмечается нежелание родителей передавать язык детям. Это мотивируется стремлением родителей оградить детей от страданий, которые они сами когда-то испытали, попав в интернат (имеется в виду ситуация 1950х и последующих годов). Н.Б. Вахтин приводит впечатляющие истории о насильственном увозе детей от родителей в интернаты, о запрете говорить в нем детям на родном языке [Вахтин 2004: 230-231]. Прекращение воспроизводства родного языка в семье убыстряет завершение процесса языкового сдвига.

В любом языке (в дополнение к описанной психолингвистической ситуации) действует *принцип (закон) экономии в языке*: «Принцип наименьшего усилия проявляется в постоянном стремлении достичь равновесия между противоречивыми потребностями, подлежащими удовлетворению, – потребностями общения, с одной стороны, и инерцией памяти органов речи, – с другой» [Мартине 1963: 534]. Этот принцип экономии проявляется на всех уровнях языка и в любом языке². По мнению А. Мартине, все функции языка «определяются его употреблением в коммуникативных целях» [Мартине 1963: 535]. Появление многочисленных вариантов, происшедших на всех языковых уровнях в основном

² Например, в русском языке на лексическом уровне используется: *метро* вместо *метрополитен*, *кино* вместо *кинематограф*. Часто можно услышать усеченную просторечную форму *пресмыкающие* вместо *пресмыкающиеся*; в разговорном русском преобладает форма род. п. 'около две тысячи двести тридцати двух рублей' вместо 'двух тысяч двухсот тридцати двух рублей' и т.п.

за счет усечений слов, фраз и окончаний, есть также свидетельство закона экономии в языке.

В 1958 г. Э. Косериу писал об условии изменений в языковых системах, где «в течение длительного времени сосуществуют старое и новое не только экстенсивно, но и интенсивно (в форме «вариантов» и «изофункциональных элементов»)), что «одно из условий изменения – это само изменение» [Косериу 1963: 229].

Под *вариативностью* в данной статье понимается модификация окончаний в парадигмах имени и глагола, не связанная с изменением их значения; возможные усечения послелогов наряду с использованием полных форм; колебания в управлении и в порядке следования слов в предложении, постепенно подготавливающие эволюцию структурных схем сложных синтаксических конструкций. В свое время Л.В. Щерба сравнивал разговорную речь с кузницей, где куются и накаплиются все изменения языка, затем проявляющиеся в литературном языке. В языках, имеющих богатую литературу, обычно говорят о кодифицированном литературном языке, имеющем норму, и об изменениях в этой норме или об отклонениях от нее. В языках бесписьменных или младоновописьменных (к каковым относится и селькупский язык), норма которых не является кодифицированной, но все же имеется, эта негласная норма постепенно тоже меняется. Как писала в свое время Е.С. Истрина, «иногда даже приходится признать нормой самое наличие двух вариантов» [Истрина 1948: 5]. Вариантов, конкурирующих между собой, может быть два, а иногда и более. Для русского языка предпринимались попытки провести статистическое обследование грамматических колебаний, установить для определенного периода удельный вес каждого типа вариантов [Граудина и др. 1976: 7-8]. Из газетных текстов 1960-1970-х гг. длиной в 2 млн. слов было выбрано 100 тысяч вариантов. Полученные при этом количественные соотношения вариантов указывали

либо на явное преобладание одного из них, либо свидетельствовали об их равновероятном употреблении и возможной взаимозаменяемости³.

Типична вариативность и для селькупского языка. В селькупском языке варианты слов часто представляют собой усечение полной формы, редуцируемой и справа, и слева, в результате чего появляется по несколько вариантов наряду с полной формой, которую условно и можно считать нормативной (по крайней мере, до тех пор, пока она не забудется совсем). Варьирование форм в языке свидетельствует о возможных в нем изменениях, обусловленных в известной степени социо- и психолингвистическими факторами, и играет заметную роль в том, что получило наименование *языкового сдвига*.

В дальнейшем на конкретных примерах из северного диалекта селькупского языка речь пойдет о том, как именно варьирование приводит постепенно к изменениям в языке. Вариативность наблюдается на разных языковых уровнях – на фонетическом, морфологическом, синтаксическом; встречается она и в области словообразования и лексики. При рассмотрении вариантности в пределах различных частей речи будут указываться как фонетические (часто зависящие от диалектной принадлежности носителя), так и грамматические колебания в речи носителей языка при учете, с одной стороны, временных срезов сбора материала, с другой стороны (насколько это возможно), возраста информантов – представителей разных когорт. Основное внимание будет уделяться грамматическому варьированию.

³ Речь идет о словах типа *тракторы / трактора* ~89 / 11%, *весной / весною* ~99 / 1%, *ясель / яслей* ~60 / 40%; *с неким / с неким человеком* ~87 / 13%; *увидев / увидя* ~92 / 8%; *сосредоточивать / сосредотачивать* ~52 / 48% и т.д. В русском языке особое внимание привлекает к себе варьирование по роду. В указанной работе [с.71-74] приводятся слова трех семантических групп (названия представителей фауны, группа вещественных существительных и наименования предметов), в которых отмечено родовое варьирование. Колебания между мужским и женским родом встречаются, начиная с древнерусского языка. В уральских языках в силу отсутствия рода в них родовая вариативность очень сильна в русском языке селькупов [Кузнецова 2001: 223-225].

Следует также иметь в виду, что помимо вариантности в речи информантов может возникать квазивариативность за счет интерпретации исследователей, в зависимости от того, как они, например, трактуют тот или иной вариант: как колебания в произношении или как заимствование из другого диалекта (в редких случаях результаты совпадают). Что касается морфологических форм, которые разные исследователи могут интерпретировать либо как окончание, либо как послелог, то это, безусловно, не принимается в расчет при описании вариантности и остается «на совести» исследователя.

Вариативность форм имени

Ориентируясь на имеющиеся материалы XIX-XX вв., можно говорить об изменениях в селькупской грамматике, которые вызваны не только внешними (экстралингвистическими) причинами, происходящими под влиянием другого языка, но и внутрисистемными, в частности, – в результате вытеснения полных форм редуцированными. Это, в свою очередь, связано с возникновением многих вариантов в речи, обусловленных причинами, перечисленными ранее. Вариативность в области грамматики наблюдается в категориях имени, глагола, местоимений, в послелогах и других частях речи, в синтаксических конструкциях. В существительных наибольшей вариативности подвержены категории падежа и числа.

В уральских языках Nom. часто выступает в качестве препозитивного приложения, что соответствует в других традициях терминам «соположение, татпуруша» и, возможно, другим. В селькупском языке старинные наименования месяцев, уже забытые молодыми, построены именно по такому принципу. Напр.: *limpy-iräty* (букв.: орел + месяц) – ‘орлиный месяц, март’, *kärä-iräty* ‘вороний месяц, февраль’, *wänty-iräty* ‘нельмин месяц, август’, *šoka-iräty* ‘сучий месяц, ноябрь’, *šēpāk-iräty* ‘бурундучий месяц, апрель’ и др. Форма Nom в ряде названий употреблялась наряду с формой прилагательного на -l’ или формой Gen: *wänty iräty* и *wäntyl’ iräty*, *qōry ōmtu tōkyrysa iräty* (букв. ‘олень-самец пог чнотит + месяц’) и *qōryŋ ōmtyl’ ōl’čyryl’ iräty* ‘месяц отпавших оленей

рогов’ (букв. ‘олень + рогатый + отпавший месяц’); ср.: *laŋat (piččat / qōlyt) tyryl’ iräty* ‘месяц язевой (щучьей, рыбьей) икры; май’ и т.п. Все приведенные примеры были записаны в 1970-е гг. от носителей старшего поколения; представители среднего и тем паче молодого поколений уже тогда имели лишь отрывочные сведения о системе счисления времени в прошлом и перешли на русские календарные названия. Однако то, что помнили единицы в 1970-е гг. (в общей сложности материал был собран всего от 12 человек в Красноселькупском районе ЯН АО), совпадает с материалами, записанными Кастреном в середине XIX века, более 100 лет назад! Оформление календарных названий тремя способами (первое слово может иметь форму Nom., Gen. или прилагательного на -l’) было зафиксировано уже М.А.Кастреном: *kuera (Nom.)-ireäd* ‘вороний месяц’; *kuele-t (Gen.)-tiril-ireäd* ‘рыбы икрыной месяц’; *kuete-l (Adj на -l’)-ireäd* ‘заготовочный месяц’ или *fabegedil-ireäd* ‘безлистный месяц, август’; ср. *limbe / limbel-ireäd* ‘орлиный месяц, февраль’ [Castrén 1855: 252] (см. соответственно те же современные названия, записанные в 1970-е гг.: *kärä iräty*; *qōly-t tyryl’ iräty*; *kōty iräty* и *čōpykytyl’ iräty*; *limpy iräty*; ср. сельк. обск.: *лымбъкет иррет* ‘январь’). Спустя полвека после Кастрена наименования семи месяцев были зафиксированы в «Словаре русско-остяцком...» Ф.Г. Мальцова 1903 г. [Helimski & Kahrs 2001; Хелимский 2002: 155-170]⁴, где также встречаются формы с Nom. (*кэря-иря* «февраль», букв. ‘ворона-месяц’, *линби-иря* «март, орлиный месяц»), с Gen. (*тагыдь-чонды-иря* «июль», букв. ‘лета середина месяц’) и с существительным в адъективной репрезентации (*каланыль-иря* «январь», месяц сбора податей). Как видно из всех приведенных примеров, на протяжении более чем 120 лет существовала равно допустимая грамматическая вариантность в оформлении народных календарных названий у селькупов. Следует сразу упомянуть и о многочисленных

⁴ В предисловии к словарю Ф.Г. Мальцова и в статье Е.А. Хелимского дан подробный анализ самого словаря преимущественно под углом зрения анализа фонетики и сопоставительной характеристики северно-селькупских говоров. В настоящей статье многие факты, упоминаемые Е.А. Хелимским, рассматриваются с иных позиций, а именно, – только с точки зрения наличия грамматических вариантов, отмечаемых на протяжении более 150 лет в селькупском языке, и их большем или меньшем влиянии на изменения в языке.

лексических вариантах этих наименований: каждый месяц мог иметь несколько названий, что объяснимо социолингвистическими причинами (подробнее см. [Очерки 1980: 51-59]). В настоящее время (судя по полевым материалам 2000-х гг., собранных в Туруханском районе Красноярского края) старые календарные названия знакомы лишь жителям леса среднего и старшего поколений (от них иногда отдельные названия остались в памяти у их родственников среднего возраста, живущих в поселке). Молодые целиком перешли на русскую систему счисления времени, более простую нежели селькупская, особенно если учесть, что селькупские названия отрезков времени, соотносимые в прошлом с периодами промыслов или природными явлениями и соответствующие календарным, характеризовались значительной вариативностью как в грамматическом, так и в лексическом плане и устарели в связи с кардинально изменившимся укладом жизни селькупов (ср. аналогичную ситуацию у других самодийцев [Симченко и др. 1993: 206-208, 244-245]⁵). Приведенные факты, касающиеся в данном случае не только грамматического, но и лексического материала, являются неопровержимыми свидетельствами длительности самого процесса, неравномерности темпов сдвига в разные периоды времени, сильно ускорившиеся во второй половине XX в. под влиянием социолингвистических факторов. В результате воздействия последних и при наличии многочисленных вариантов календарных наименований (прежде всего – лексических) произошел переход на русскую систему наименования месяцев. С изменением образа жизни устаревают и слова, прежде адекватно отражавшие ушедшие реалии и понятия, заменяясь новыми.

Сложные комплексы такого типа, как календарные наименования, встречаются в топонимах, а также в словосочетаниях, семантика которых легко выводима из их частей и где первый компонент может иметь две формы: Nom. и форма на -l' или Gen. и форма на -l', напр.: тукат / тукал' рü 'игольное ушко' (букв. 'иглы / игольный + камень'). Возможны все три варианта первого компонента: tū / tūs (< tüt) / tül' saju 'искра' (букв. 'огонь / огня / огненный + глаз'); пәкур (пәкурут, пәкурыл') lake

⁵ К сожалению, в этой работе много опечаток в селькупском материале.

‘книга’ (устар. *пэкуг* ‘письмо’); *šūńčyka / šūńčykat / šūńčykal* *топуг* ‘земляника’; букв. ‘птичка / птички / птичья ягода’.

В селькупском предложении *Nom.* выполняет не только функцию подлежащего, но и функцию прямого дополнения, о чем более полувека ведутся бесплодные споры, приводятся многочисленные гипотезы возникновения этого явления (см. напр. [Бубрих 1948; Терещенко 1973: 176-185]). На поверхностном уровне употребление в речи *Nom.* на месте ожидаемого *Acc.* самими информантами часто воспринимается как вариативное: *Тэр wəty (wətyр) тенупунуту* ‘Он дорогу знает’ [Очерки 1980: 175]; *Мат qəly (qəlyр) аrsур* ‘Я рыбу съел’. Более того, в конце 1990-х гг. в речи информантов старшего поколения, хорошо знающих родной язык, слово *qəly* обычно звучало как *qəl*, являя собой безусловное усечение и создавая тем самым вариант слова, не известно, в каком падеже (*Nom.* или *Acc.*) стоящего: *Mitty mākka qəl!* ‘Дай мне рыбу!’ (Аналогичная редукция характерна и для слова *čəly > čəl* ‘день’). В такой ситуации можно говорить о синкретизме значений подобного варианта. Приведенные варианты (за исключением последнего примера) могут быть связаны с трактовкой формы как определенной и неопределенной, на что лингвист в полевых условиях мог не обратить внимания. Всё это затрудняет адекватное описание языка.

Многочисленные усечения двусложных существительных в *Nom.*, кончающихся на гласный, были зафиксированы Ф.Г. Мальцовым уже 100 лет назад. В его словаре встречаются слова *коль* (вместо *колы* ‘рыба’), *хорь* (вместо *хоры* ‘олень-самец’), *сурь* (вместо *сурить* ‘зверь и птица’; последнее встречается, напр., в названии птицы *кумын-вондыль сурь* ‘попугай’). Интересно, что в 1970-е гг. *qumр wəntyl’ sūр* информанты переводили как ‘сова’, что более правдоподобно (то есть ‘птица с человеческим лицом’). Судя по работе Мальцова, изредка редуцировались целые слоги: *са-тинолы* ‘черная туча’ (вместо *сака тинолы*), *са-лока* вместо *сака-лока* ‘лисица чёрнобурая’; наряду с редуцированными вариантами сложных слов возможен полный вариант *сака-шекы* ‘черные штучки’. Само слово *нитки* дано в нескольких вариантах: *шекы, шёкы и шекь*, как и слово *qору*: *хобь, хоть* и *хопы* ‘кожа, шкура, кора, кожура’.

Колебания в форме и функционировании падежей происходят не только в Nom. Варьированию подвержены в большей или меньшей степени и остальные падежи. В одних случаях варианты выявляются на уровне фонетических усечений; в других связаны с изменениями в управлении падежей (нередко под влиянием русского языка), в третьих объяснимы с точки зрения категориальных изменений, в частности, в результате исчезновения категории одушевленности / неодушевленности. Не исключено, правда, что именно всё возрастающая вариативность привела к утрате данной категории.

В записях 1970х гг. при обозначении адресата действия наблюдается смешение в употреблении падежей Dat.-All. и Ill.: *il'ča-nyk / il'ča-nty (qum-ty) kətympaty* 'старик (человеку) сказал'. В 2000-х гг. можно услышать от представителей старшего поколения *Iraqota ɔndaleisə ijanty / ijanty čəty* 'Старик обрадовался сыну' (вторую форму можно трактовать двояко: как форму Ill или как посессивную форму 3Sg.Gen. с послелогом *čəty*). Молодые, еще говорящие по-селькупски, предпочитают использовать в этих случаях бессоюзное (реже с союзом *natqo*) подчинение, которое равновероятно толковать как бессоюзное сочинение: *Iraqota ɔndalel'čimra (natqo) tūsa ijaty* 'Старик обрадовался, (что) пришел сын-его'. Между тем, глаголы, выражающие эмоциональное состояние человека (*обрадоваться, рассердиться, смеяться*), требуют Dat.-All. (см. [Кузнецова 2000: 109-112]). Факультативно Dat.-All.Sg в значении адресата действия может встретиться с показателем *-kinĭ*, но регулярным это окончание является только для Du и Pl.: *Lōsynt näl'aqĭtkinĭ solap mēsyty* 'Чертовым (букв. 'чёрта') дочкам-двум ложку сделал-он'. В Ill окончание *-kinĭ* не только в Du и Pl, но и в Sg. употребляется в другом значении, а именно – для обозначения конечного пункта действия, наряду с флексией *-nty*: *šĭmal'anty tūsa* 'в поселок приехал'; *Na mektyŋ olytytkinĭ al'ča* 'На эти кочки упал'. Dat.-All. также оформляет неодушевленные существительные, но имеет значение направления действия (*šĭmal'a-nyk qonĭššy* 'к поселку ездил') в отличие от Ill., который, как уже отмечалось, употребляется в значении конечного пункта действия.

В результате происходящих в языке изменений (возможно, смешанных в силу вариативности) адресат действия может обозначаться Dat.-All. с показателями *-пук* и *-kinī* (преимущественно в Du и Pl), а также III. (*-nty*). Направление движения (и действия) выражается Dat.-All. (*-пук*), а конечный пункт действия передается III. (*-nty*, *-ту* и *-kinī*, последнее окончание в Du и Pl.). Иными словами, исследователь-лингвист констатирует синкретизм значений в окончании *-kinī* (или омонимию?). Связано это, видимо, с утратой категории одушевленности / неодушевленности. У М.А. Кастрена [Castrén 1854: 111-113] для одушевленных существительных направительный падеж (III.) передается окончанием *-kinī*, а для неодушевленных – как *-nty*. У Г.Н. Прокофьева [Прокофьев 1935: 31] оформителем Dat. для названий одушевленных предметов является суффикс *-пук*, а для неодушевленных – *-пДу* (1 склонение) и *-ту* (2 склонение). К 1970-м гг. произошли изменения, в результате которых показателями Dat.-All. стали оформляться как одушевленные, так и неодушевленные существительные (см. также [Очерки 1980: 178-180]). Кроме того, совпадение III. и Dat.-All. происходит в формах Du. и Pl. При обозначении конечного пункта действия вместо III. встречается Nom. в сочетании с глаголом движения (*mōt šēṅny* ‘в дом вошел’ [Очерки 1980: 172]) наряду с более редким сочетанием *mōṭṭy šēṅny*, где *mōṭṭy* может двояко интерпретироваться: как III. и как форма GenPx3Sg, то есть ‘в дом-свой вошел’. Не исключено также, что в данном случае на первое место выносятся топик – прием, нередко наблюдаемый в селькупских сказках.

Вариативность в виде усечения падежных окончаний свойственна в основном падежам, кончающимся на гласный (см. примеры на Nom., ср. флексию *-kinī /-kin* в Dat.-All. и III). Это относится и к El. (*-ḡun* вместо *-ḡunu*) в дополнение к названным выше падежам. В результате возникают падежные омоформы Loc. и El. Нередки варианты и в падежах, оканчивающихся на согласный, как напр., в Car. (Abess.), где вместо окончания *-kōlyṅ / -kōlyk* возможны *-kōly* и даже *-kōl*: *Mat ilam āmām kōly i āsykōl* ‘Я живу без матери и без отца’. Колебания огромны

не только в области грамматики, но и фонетики (что видно и в данном примере), однако здесь они специально не рассматриваются.

Изменения в языке не совершаются молниеносно и не являются невозвратимыми к прежнему состоянию. До поры до времени возможны сильные языковые колебания, в связи с чем возникают бифуркации, приводящие иногда к длительному сосуществованию в языке (в том числе в одном и том же диалекте) разных форм выражения той или иной категории, тех или иных слов. Возможно, был прав Мартин Эхала, когда называл язык «открытой самоорганизующейся системой» [Ehala 1994: 192]. В своей статье об изменениях под влиянием русского языка эстонских предлогов и послелогов в 1905, 1972 и 1992 гг. М. Эхала, на примере предлога *läbi*, продемонстрировал случаи колебаний в частоте употребления предлога по сравнению с омонимичным ему послелогом. Предлог *läbi* рассматривался в значениях места, времени, инструмента и причины: ‘через’, ‘в течение’, ‘посредством / по причине чего-либо’. При этом, по свидетельству М. Эхала, *läbi* может соответствовать также омонимичному наречию. Автор объясняет неизбежность изменения в системе служебных слов утратой предлога *läbi*, в результате чего нарушилась стабильность системы, и начались поиски новой стабильности, усилившиеся под влиянием русского языка [Ehala 1994].

Та же картина большой вариативности типична для многих послелогов⁶, среди которых часто встречается *-čõt* вместо *čõtu*, *-nõn* вместо *nõnu*; ср.: *-tõn* вместо *tõqun* и др. Принципы редукции остаются теми

⁶ Не менее уязвимы местоимения, из которых пока твердо помнятся формы личных местоимений в Nom 1 и 2 Sg / Pl. Сплошь и рядом укорачивается местоимение ‘я’: *ma* вместо *mat*; часты усечения Acc. 1 и 2Sg: *šim / mašim*; Dat. All. 1 и 2Sg: *mäkkä / matqäk* и др. Что касается лексических систем, то, естественно, забываются слова (или целые группы слов, уменьшающиеся в своем количественном составе до минимума, как, напр., это происходит в именах родства), не относящиеся к основному фонду слов. Именно они раньше других заменяются словами более престижного языка (см. календарные названия). Если в отдельных группах слов (напр. в топонимах) наименования сохраняются, часто утрачивая свой первоначальный облик и тем самым становясь непонятными, они начинают также заменяться.

же (отпадение последнего гласного, целого слога или его части, не обязательно при этом последнего).

Четко проявившаяся сравнительно недавно замена старого управления новым тесно связана со значительной вариативностью в данной области языка. Трудно сказать, происходят ли изменения в результате социолингвистических (влияние русского языка) или психолингвистических (согласованность / несогласованность говорящих, стремление к экономии усилий) причин. Или, как говорил Э.Косериу, само изменение является условием изменения.

Вариативность глагольных форм

Примерами максимальной вариативности в области грамматики могут служить усечения окончаний глаголов 3Pl (*-õt* вместо *-õtyt*), форм императива 2Sg (*-äš* вместо *-äšyk*, *-ät* вместо *-äty*). Колебания этих форм в разные периоды неравномерны, как различны они и по районам, и в речи представителей разных когорт. Результаты наблюдения над селькупским языком 1920х (материалы Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых), 1940х (Л.А. Варковицкой), 1970х (экспедиций МГУ) и 2000х гг. (автора статьи) можно сравнить с более ранним состоянием северно-селькупского диалекта в районе проживания северных селькупов, используя материалы начала XX в. (1900х гг., словарь Ф.Г. Мальцова).

В отношении последнего сразу должна быть сделана оговорка, касающаяся не только самого материала, но и его собирателя. Речь идет о словаре селькупского языка, составленном туруханским мещанином Федором Гавриловичем Мальцовым / Мальцевым в 1903 г.⁷ и изданном

⁷ Издание предусматривает легкий поиск любого слова в словаре Мальцева, хотя слова даны не по алфавиту, а сгруппированы либо по тематическим группам, либо по частям речи, либо идут в произвольной последовательности, но имеют нумерацию (всего слов 1693), перевод на русский язык, транскрипцию и перевод на немецкий язык. В конце издания приводится в алфавитном порядке 1) индекс всех транскрибированных слов с указанием того, под каким номером они упоминались в основной части словаря, и 2) индекс переводов на немецкий язык также с указанием номера селькупского слова или выражения.

в 2001 г. Е.А. Хелимским и У. Карс⁸. При обращении к словарю следует иметь в виду, что его автор не лингвист, в связи с чем важно учитывать ряд обстоятельств. Ф.Г. Мальцев не владел лингвистическими методами сбора и транскрибирования полевого материала, не обладал навыками работы с информантами и, возможно, не имел «натренированного уха» (хотя, по утверждению Е.А. Хелимского, Мальцев – носитель селькупского языка, возможно, правда, другого диалекта по сравнению с тазовско-туруханским диалектом). Записывая нередко одно и то же слово по-разному, он обычно не указывал, получено оно от разных людей или от одного и того же носителя языка, возраст которого также остается неизвестным. Переводы нередко не соответствуют грамматической форме слова (напр., в переводе на русский дается инфинитив вместо императива), что искупается переводом на немецкий язык издателями. Впрочем, записывая различные формы глаголов, собиратель, судя по всему, проверял их у других информантов и отмечал, что, напр., «можно сказать как угодно ‘закричи’»: *лангальчи, лангышеишь, лангынтэть*» [Helimski & Kahrs, № 1028].

Из трех приведенных вариантов, равно допустимых, по мнению, видимо, самого Мальцева (а может, и информантов), обращает на себя особое внимание широкое варьирование разных показателей императива 2Sg. Каждый из них имеет в записях Ф.Г. Мальцова не менее четырех фонетических разновидностей для показателей -äš(yk), напр., -ешь / *ышь* / *ишь* / *ышь* (при этом полной формы -äšyk не встретилось ни разу в словаре!) или -эть / -еть / -едь / -ать / -эть / -эить / -яты для показателя -äty (последний вариант есть лишь в одном слове: *кюряты*, которое дано в переводе как ‘махать’ вместо ‘маши!’ [küräty]). Ошибки такого рода в переводах на русский у автора достаточно часты). Ср.: *абьстальдэть* /

⁸ Ф.Г. Мальцев не одинок. Среди носителей миноритарных языков (не лингвистов) время от времени появляются энтузиасты, собирающие слова родного языка, желая сохранить его для потомства. Примером такого бережного отношения к исчезающему диалекту может служить «Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект)» М.К. Могутаева, подготовленный к изданию А.А. Ким, О.А. Осиповой и Е.А. Сергеевой и опубликованный в 1996 г. в Томске.

абстальдэйт (2Sg) 'спаяй / навари!' (№ 323, 321); *маньбетъ / маньб-
батъ* 'смотри!' (2Sg) и *вошеишъ* 'вставай!'; *игъ тентэишъ* 'не говори!';
имдыишъ 'садись!' и т.д. Практическое отсутствие сокращенных форм
императива наводит на мысль, что, возможно, собиратель не пытался
уточнить у селькупов звучание слова, поскольку обычно при просьбе
повторить слово, «недослышанное» собирателем, информанты дают
полную форму вместо редуцированной. Это предположение усиливает-
ся при сопоставлении с современным состоянием форм повелительного
изклонения, поскольку в современном селькупском языке чаще звучат
краткие формы императива, но при повторных попытках записать слово
информант четко произносит полные глагольные формы. В словаре
Мальцева обычно не редуцировались лишь показатели императива -ту и
-у, которых зафиксировано около 70. Формы на -ту, как правило, озвон-
чились после сонорных: *топоръ такыльды* 'ягоды собирай!' (от инфини-
тива *taqquɫ-qo*), *ат-малъ оркальды / саральды* 'олений поймай / за-
прягай' (от инфинитивов *orquɫqo*, *saralqo*; ср. также: *ты миригды* < *tɪ*
mɪrɪŋɪtu 'продай!'), в других случаях не изменялись: *шюдты* и *шюдъты*
'ешей!', *шлы-конты* (2Sg) 'ложись-спи!' (инфинитивы *šütqo*, *qontyqo*
соответственно). Остальные формы глаголов на -äš(ык) и -äty (их около
110) встречаются исключительно в редуцированных вариантах (ср.
[Очерки 1980: 247-248]).

Вариативность широко распространена среди глагольных окончаний
лица и числа. Напр., в 3PI вместо ожидаемого [-štyt] фиксируется лишь
показатель [-št], что характерно и для современного селькупского языка
в северных диалектах (в идиолекте Мальцева это обычно -ать): *тенъты-
сать* 'говорили' вместо [tentyšštyt], *топ-сать* 'рассказывали' (№ 458)
вместо [topšštyt], *тэбыть кондырсать* вместо полной формы [təpɪt qon-
tyrsštyt] 'они видали'. Встречается в словаре несколько форм 1PI и 2PI:
мэй кондырсымъ вместо [mē qontyrsšmyt] 'мы видели', *юндышимъ* вме-
сто [üntyššymyt] '(мы) слышали', *тэй юндышилиъ* вместо [tē üntyššylyt]
'вы слышали' и др. Едва ли не единственными являются примеры на 1PI
настоящего времени: (коса) *сандырлимъ* '(ну-ка) поиграем!', пере-
веденное Мальцевым как '(будем) играть' (№ 588 и 589). Полная форма

должна иметь показатель -мыт: (коса) сандырлимыть [kossa / kyssa / kassa s̄ntyrlymyt]. Точно так же апокопируются глагольные окончания форм настоящего времени 2Sg, напр., *пачалъсанъ* (вместо *пачалъсанты*) 'рубишь' и др. При этом далеко не всегда различаются окончания субъектного и объектного спряжений, на что обратил особое внимание Е.А. Хелимский, сравнивая с нарушениями такого же рода материалы, собранные в 1998 г. в Фарково. На рубеже тысячелетий, как и на рубеже XIX и XX столетий, встречались сочетания *самагъ шляль* 'хорошо живешь', *кутарь шляль* 'как живешь' (у Мальцева), *Somaŋ ilanty* 'хорошо живешь' и *Tat qā qāntal / qānnanty?* 'Далеко ли ты едешь?' у Е.А. Хелимского [Хелимский 2002: 167].

Примеры языковой вариативности столетней давности, обнаруженные в записях не лингвиста, а (возможно) носителя языка без высшего образования, совпадают с результатами сбора аналогичного материала лингвистами в течение всего XX века: в 1920е гг. Г.Н.Прокофьевым, в 1941 г. Л.А. Варковицкой. Материалы, собиравшиеся мною в 1970е, 1990е, 2000е гг. также подтверждают сказанное. Так, и в Красноселькупе, и в Фарково налицо усечения окончаний 2Sg императива (наряду с их полной формой); путаница в употреблении 1-го и 2-го спряжений и падежей: *yka molmytäs!* «не ври!», *quraläs ütqo* «сходи за водой!», *man n̄ny yka Enäs!* «меня не бойся!», *tünDu čatät!* «в огонь брось!», *qāntāi moqynä, nop qānta!* «иди домой, бог идет!» (то есть 'гроза начинается'), *Quraltäs uznajty časap əmynty n̄ny* 'Пойди узнай время у матери-своей!', *Tattätü mačün n̄ny pō!* «Принеси из леса дрова!», *tomty* и *tomtäs* 'говори!', *mety* и *metät* 'сделай!', *miŋäs* и *mitty / mitta* 'дай!', *tattäs, tattäšyk* и *tattät* 'принеси!'. Возможны не только грамматические, но и фонетические варианты: *čüty* и *čüäs* (без ожидаемой эпентезы ŋ) 'стреляй!', *tüŋäšyk* и *tüäs* 'приди!'. Окончания 2 Pl -*nylyt* и -*nylyt* сокращаются до *nyl, -nyl: Qānyl, qalyryny!* (обращение к детям) «Идите, бегайте!» и др.

Колебания в речи носителей могут быть, таким образом, самого разного рода: здесь и усечения окончаний (наряду с возможными полными формами), свидетельствующие о стремлении говорящего к экономии усилий; здесь и смешения типов спряжения, и сбои в управлении (упот-

ребление одних падежей на месте других). Здесь и путаница в наклонениях, а еще большая – в смешении аспектуальных характеристик глаголов и т.д.

Синтаксическая вариативность

До сих пор рассматривалась вариативность в сфере морфологии. Однако не меньшие колебания наблюдаются в сфере синтаксиса, причем, если в морфологии изменения форм могли происходить в силу принципа экономии усилий или коммуникативных моментов (возникающей согласованности / несогласованности и т.д. в употреблении форм и слов), то в синтаксисе дополнительно к перечисленным приходится учитывать еще и другие причины. Существенным становится фактор контактного влияния доминирующего языка, который не был столь очевидным в морфологических изменениях.

Селькупский повсеместно испытывает влияние русского языка; различие между обоими языками в области синтаксиса достаточно ощутимы. Обычно в качестве различий называют прежде всего порядок слов в предложении. Однако порядок слов (типичным в русском языке считается порядок SVO, а в селькупском SOV) на самом деле требует оговорки: для русского разговорного языка более типичен, как и для селькупского, порядок SOV. Точно так же характерно для селькупского и разговорного русского языков вынесение вперед топика, что легко продемонстрировать на примере примет, напр.: (Qata) *čičikīja mōtū māšēnta – qōtyarōqy* '(Если) птенчик в дом влетит – к беде'.

Селькупскому языку более свойственно бессоюзие при большом количестве номинативных предложений (интонационно часто никак не разделяемых), в результате чего трудно провести границу между сложносочиненными и бессоюзными сложноподчиненными предложениями: *Qaryt kəntytu īla qəpqlamna* 'Утром заря занялась, уходить собрался-он' или 'Как только утром заря занялась, уходить собрался-он'. То же самое можно сказать и о соотношении между прямой и косвенной речью. Интересно, что перечисленные проблемы типичны не только для современного селькупского и остальных самодийских языков. Они были

свойственны прошлым состояниям некоторых индоевропейских языков (напр., русского), о чем писал в свое время С.И. Карцевский [Карцевский 1961], обсуждая вопросы бессоюзия, открытых и закрытых структур, включенно-личных предложений и других особенностей русского синтаксиса. Этот факт сходства подтверждает прозорливость В. Гумбольдта, писавшего, что «языки имеют некий предел своей завершенности, после достижения которого уже не подвергаются никаким изменениям ни их органическое строение, ни их прочная структура» [Гумбольдт 1984: 307]. Селькупский язык, судя по всему, давно достиг этой завершенности и в течение длительного периода находился в состоянии стабильности, которая в настоящее время под усиливающимся влиянием русского языка быстро разрушается [Кузнецова 2004: 399].

Среди синтаксических различий в двух языках можно назвать также двойкость согласования подлежащего и сказуемого в селькупском языке, которое может быть в одних и тех же случаях грамматическим (по числу / лицу) или семантическим, по смыслу [Очерки 1980: 370-373]. Естественно, что равно допустимое согласование главных членов предложения тоже расшатывает систему. Несмотря на то, что преобладает грамматическое согласование, в сказках можно встретить фразы *Müty ukkurna čüñđtyt* 'Войско непрерывно стреляют' и *Müty ny čattympaty* 'Войско туда выстрелило'; *Kəry šimal'anuk laqaltēmpđtyt* 'Аргиш к поселку тронулся' (букв. 'тронулись'). Точно так же возможны в сказках фразы *Qənta ilymra imantysä* 'Кэнта жил со своей женой' и *Ija nātāksä ilyqolampđqł* 'Парень с девушкой жить стали-вдвоем (Du)'; *Iča* и *imaqota ilympđqł* 'Ича и старуха жили-вдвоем' и *Okkyr ira aj imaqotaty ilympđtyt* 'Один старик и жена-его жили (Pl)'. Обычно существительное после числительных стоит в форме Sg., но после числительного *šitty* 'два' встречается и Sg, и Du. (Du, впрочем, почти исчез). Что касается глагола, то он согласуется с существительным (которое, как уже было сказано, независимо от числительного стоит в Sg), однако и здесь бывают сбои: *nəkyr qumyt* (вместо ожидаемого *qum*) на *koptōqynty šmtđtyt* 'Три человека на этой кровати сидят' (согласование по Pl). Все приведенные и подобные им другие примеры, взятые из архива Л.А. Варко-

вицкой 1940х гг., в котором представлены и тексты Г.Н. Прокофьева 1920х гг [Варковицкая. Архив], а также материалы экспедиций 1970х и 1990-2000х гг. свидетельствуют о вариативности указанного типа согласований. При этом в текстах, записанных от носителей селькупского языка в первой половине XX в., разноречивой отмечается в речи представителей всех основных когорт (молодых, среднего возраста и старшего поколения) более или менее в одинаковой пропорции; в записях 1970-х гг. данная тенденция сохраняется, но записи от молодых единичны: к концу века и в начале текущего столетия среди молодых вообще отсутствуют поселковые жители, владеющие родным языком (по крайней мере, в Фарково).

Некоторые выводы

Один и тот же материал может рассматриваться под разными углами зрения, которые обычно не соотносят друг с другом. Так, одни лингвисты говорят об исторических изменениях в селькупской грамматике, ориентируясь на имеющиеся материалы XIX-XX вв. и / или обращаясь к праистории, либо выискивая в них внутриязыковые причины, наблюдающиеся в самой системе. Другие рассматривают изменения в языке как вызванные внешними (экстралингвистическими) причинами, происходящими под влиянием чужого языка. В этом случае изменение всей системы языка связано с одновременным действием нескольких факторов:

- 1) политики государства;
- 2) социологических факторов (контактного влияния более престижного языка, возраста говорящих, образовательного ценза, миграции населения, местожительства носителей языка и т.п.), зависящих, в свою очередь, от государственной политики;
- 3) психологических факторов (уверенности / неуверенности и в силу этого – согласованности / несогласованности носителей языка в употреблении тех или иных звуков, слов, грамматических форм, синтаксических оборотов и т.д., что приводит к общепринятости одних форм и факультативности других, через некоторое время совсем исчезающих из

обихода). Появляются дублетные формы (русские и селькупские), наблюдаемые на примере лексики, фонетики и грамматики, есть случаи гибридного словообразования и т.д.

В настоящий период (на грани тысячелетий) ту фазу языкового сдвига и его примет, когда происходит осознанное или интуитивное противостояние титульного языка миноритарного народа и доминирующего общегосударственного языка, можно наблюдать лишь в языке среднего (а порою и старшего) поколений, да и то не во всех селькупских поселках и даже не во всех семьях. На наших глазах (на примере речи среднего поколения) происходят процессы, меняющие селькупский язык: то, что недавно было постоянным, становится переменным, вариативным и высоко частотным. Растет количество тех грамматических явлений, в которых селькупы, еще использующие родной язык, допускают все большее число ошибок и появляющихся в них вариаций. Правда, надо признать, что вариативность в области фонетики и морфологии (и шире – в области грамматики) есть неотъемлемая черта языка вообще, а не только в процессе языкового сдвига, поскольку люди в любой период времени не могут не испытывать воздействия социальной ситуации и психолингвистических факторов. Одни варианты, получив постепенно наибольший удельный вес, превращаются в общепринятые (=нормативные), другие забываются, осуществляя изменение языка (снова вспоминаются слова Э. Косериу: «одно из условий изменения – это само изменение»). Учет вариантных форм помогает правильно оценить перспективы эволюции языка. Аллегровость речи ведет к усечениям разного рода – редукции окончаний (особенно в глаголах), сокращению длины предложения и т.д., однако собственно языковые причины изменения системы языка вряд ли существуют вообще (даже аналогическое выравнивание происходит в силу возникающей согласованности говорящих). Признаки безвозвратного изменения языка в конечном счете всегда объяснимы социо- и психолингвистическими факторами.

Параллельно с «расшатыванием» языка изнутри (самими изменениями в нем) идет другой процесс: под влиянием социальной ситуации численно растущая часть населения переходит на доминирующий язык,

не желая пользоваться родным и совершенно независимо от того, как меняется (и меняется ли вообще) язык. В настоящее время для подавляющего большинства молодых селькупов наступила именно эта фаза: сознательный отказ от родного языка, переход на русский язык, а нередко даже требование к старшим прекратить использование селькупского языка, не говорить с детьми по-селькупски. Редчайшие исключения только подтверждают правило.

В настоящей работе речь шла о зафиксированных в материалах последних полутора веков варьирующихся формах и конструкциях, которые, возможно, приведут в результате к вытеснению из грамматики полных форм редуцированными. Варьирующиеся языковые единицы (в отличие от постоянных) выступают своеобразным индикатором грядущих изменений. Такой подход не исключает детального рассмотрения того же материала под другими углами зрения — с точки зрения этимологии грамматических форм или с позиций контактирования языков и т.д., что может помочь решить загадку, как исчезает язык.